

CELEBRATING 15 YEARS OF THE BLACK LIBRARY

FOR THE FALLEN

AARON DEMBSKI-BOWDEN

A CRIMSON FISTS SHORT STORY

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Аарон Дембски-Боуген

Некроном молча шел по городу мертвых --
духовному центру этого в остальном
бесполезного

мира. Помощник следовал -- точнее,
тащился -- за ним, отстав, как
предписывала программа,

на три шага. Он что-то бормотал себе
под нос и постоянно крутил головой, навояв
встроенный в глаз илазифер на разные
объекты. Бормотание сервитора казалось
неуместным,

но с этим ничего поделать было нельзя.
Привычка говорить с самим собой входила
в число

многочисленных поведенческих
расстройств, которыми сервитор
обзавелся за тридцать девять

лет -- именно столько времени прошло со
дня, когда Эска купил его у старьевщика на
своем

родном мире.

Другим расстройством была хромота.

Бионическая нога сервитора не сгибалась полностью,

что осложняло ходьбу, и поэтому он передвигался неловкими, прерывистыми полшагами, а

Эска был вынужден слушать грохот, с которым искусственная нога его помощника

волочилась по мостовой.

-- Провожу экспокоррекцию, -- пробормотал сервитор, наклоня голову, и до Эски донеслось

механическое урчание, которым сопровождалось это движение. -- Коррекция перспективы

завершена. Дополнительные запоминающие устройства заполнены на сорок семь процентов.

-- Да, -- тихо отозвался Эска. -- Как скажешь, Солюс.

Уля «Солюс» выбрал для сервитора старьевщик, чтобы как-то к нему обращаться, отдавая

команды. За все это время Эска мог бы

уже отдамь помощника на
перепрограммирование --
лоботомизированный бионический раб
возражать уж точно не стал бы, -- но одна
мысль об

этом вызывала в нем необъяснимое
чувство вины.

Некроном натянул на голову капюшон,
укрываясь от пронизывающего ветра. На
этой планете

даже в ветре чувствовался запах непла.
Чногда прошлое оставляет такие следы,
которые не
стираются годами.

«Если вообще когда-нибудь стираются», --
подумал он.

Он приблизился к первой из гробниц,
тянувшихся вдоль очередной аллеи.
Памятник,

вырезанный из черного камня, изображал
еще одного воина-гиганта, лицо которого
было

скрыто под величественной, но ничего не
выражавшей маской шлема. Статуя была

установлена на постаменте из черного с
белыми прожилками мрамора -- камень,
добытый на

другой планете, привезли сюда, чтобы
исполнить последний, самый священный
долг. Но

двадцать таких статуй стояло вдоль
каждой аллеи в этом городе мертвых:
место погребения

для Агентус Астартес, а для ученых вроде
Эски -- еще и центр паломничества.

Эска встал на колени перед бронзовой
табличкой и приложил лист пергамента
поверх

выгравированных букв. Хотя фиксировать
все имена и надписи было обязанностью
Солюса,

некроном любил иногда делать
собственные записи. Ему казалось, что так
его отчеты

обретают содержательность. В работе
некронома нет ничего сложного, но
трудность в том,

чтобы выполнить ее хорошо. Память -- в

ней все дело. В ней — и в правдивости переживаний.

Одного списка имен недостаточно.

Стараясь не обращать внимания на боль в коленях, Эска начал тереть куском угля по пергаменту, делая оттиск надписи, что повествовала о подвигах воина. В который раз он

поймал себя на том, что, опускаясь на колени, он упорно делает вид, что все еще достаточно

молод для этого и может обойтись без стонов и вздохов, что в свое время издавал его отец,

точно так же склоняясь у могилы.

А затем он услышал шаги.

Эска поднял голову. Зрение было уже не то, и ему пришлось пристально встатриваться, чтобы

разглядеть дальний конец аллеи. Пять фигур, пять оживших статуй, и они идут в его сторону.

Идут огромными шагами, и расстояние сокращается за мгновения.

-- Здравствуй, -- сказал идущий первым, тот, кто был облачен в черное. У его шлема была

личина в форме черепа с глазницами, горевшими алым; череп скалился в ухмылке, словно

знал все тайны мертвых.

-- Я... Я... -- Горло Эски сжалось, когда он попытался одновременно сглотнуть и закончить

фразу. -- Я...

-- ... мастер поговорить, -- сказал другой, чьи плечи украшала перевязь из уродливых черепов

каких-то ксеносов. Остальные воины-гиганты отозвались на это стешкати, которые

донесли из вокалайзеров их шлемов как потрескивающий рокот.

-- Я... -- попробовал Эска еще раз. -- Мне разрешили здесь находиться. У меня есть пропуск.

Только один из воинов носил черный доспех. Броня остальных была глубокого

синего цвета --

такого цвета бывают океаны на иных, лучших планетах, оставшихся незапятнанными. Один из них, в алой мантии поверх доспеха, опирался на тяжелый топор.

-- Пропуск у него есть, -- сказал он.

-- Потрясающе, -- изрек другой. У него был белый шлем и громозвучная перчатка на руке,

оснащенная сканером, который постоянно пощелкивал, и набором инструментов вроде

трепанов и медицинских пил. Эска с трудом заставил себя отвести взгляд от этих пыточных

орудий и трясущимися руками стал рыться в сумке в поисках пропуска.

-- Хватит, -- сказал воин в черном. На плече он держал зверского вида боевой толот,

изобильно украшенный письменами на готике. -- Мои братья лишь подтрунивали над тобой,

они не хотели тебя оскорбить. Вот он --
сержант Деметриан, а это брат Улрих,
брат Тома и

апотекарий Вэйн. А кто ты?

-- Эска, -- ответил он. -- Эска из Тереша. Я
некроном, лорд, и здесь по поручению моего
оргена. Я записываю...

-- Мне известно, чем занимаются
некрономы, Эска из Тереша.

Все еще грожащими руками старик
протянул воину пропуск. Он так и не
поднялся с колен. Он

не был уверен, что сможет.

-- Вот он, лорд. Мой пропуск. Посмотрите.

-- Не нужно показывать мне пропуск, Эска,
и я никакой не лорд. Я капеллан, а зовут
меня

Арго. Обращайся ко мне или по званию,
или по имени. Зачем ты здесь?

Старик опять с трудом сглотнул и
указал на статую, у ног которой стоял:

-- Я записываю истории павших. Их имена.
Их подвиги.

-- Я спрашивал тебя не об этом. --
Капеллан поднял руки к горжету и
растегнул гертозатворы.

С тихим шипением вырвался наружу
сжатый воздух, и воин снял шлем. Лицо его
оказалось...

молодым. Эска едва мог в такое поверить.
Настоящий гигант, а на вид -- лет
двадцать-тридцать.

У воина были светло-голубые и на
удивление добрые глаза.

-- Я спрашивал, -- продолжил капеллан, и
без потрескивания вокса его низкий голос
обрел

чистоту, -- зачем ты прибыл на Мир
Ринна? Имена всех наших павших
записаны. Все внесены

в списки, и в не одной сотне архивов.

Эска почувствовал, что, кажется,
краснеет.

-- Я не только выполняю свой долг, но и
совершаю паломничество. Мне всегда
хотелось

побывать здесь, в Некрополе, хотелось

увидеть его собственными глазами. Мой
орден ищет

места, где смерть оставила особенно
сильный отголосок, места, где прошлое и
его

переживания не стерлись. Мы... мы
собираем память о мертвых. Символы, их
олицетворяющие. Нерассказанные

истории. Случаи, которые в итоге
забудутся и никогда не

попадут в обычные безликие архивы.

Арго присел рядом со старым некрономом.
Силовой госпек издавал непрерывное
гудение, от

которого у Эски заняли зубы. Черная
керамитовая броня отзывалась глухим
рыком на каждое

движение ее владельца.

-- Это кладбище Багровых Кулаков, -- тихо
сказал капеллан. -- Иногда -- очень, очень
редко --

мы и сами совершает сюда
паломничество. Приходим, чтобы
помолиться, подумать,

вспомнить -- а затем вновь отправиться к
звездам. Ненависть ведет нас в новые
крестовые

походы. Сожаление заставляет вернуться
домой. Стыд не дает остаться.

Арго помог старику подняться на ноги и
поддерживал первые несколько шагов.

-- Хочешь добавить кое-что к своим
архивам? Что-то кроме сухого и
бесстрастного перечня

имен? -- Воин указал на забытый лист
пергамента, так до конца и не
заполненный.

-- Почту за честь, лорд.

-- Арго, -- поправил Эску капеллан, еле
заметно улыбнувшись.

Один из воинов выступил вперед. У
наплечник, и вся левая рука у него были
выкрашены в

серебряный цвет; на доспехе был изображен
символ Священной Инквизиции.

-- Я Тома. Воина, с чьего надгробия ты
сделал оттиск, звали Амрен. Да будет
записано в твоем

иноземном архиве, что Атрэн стрелял из болтера с нещадной меткостью. Ни разу не выдел,

чтобы он промахнулся.

-- Я Утрих, -- заговорил следующий, тот, кто носил перевязь из черепов ксеносов. --

Однажды

Атрэн побил меня в кулачном бою. За это я его так и не простил.

Затем вперед вышел воин в белом шлеме:

-- Я Вэйн. Именно я извлек геносетя Атрэна. Его генетическое наследие живет в другом воине

ордена. Пусть это будет записано в твоём архиве, Эска из Тереша.

Последним выступил гигант в алой ланити, вооруженный топором:

-- Я Деметриан. Атрэн умел смеяться так, что его братья забывали обо всех сомнениях.

Запиши, что он -- один из тех погибших воинов, кого нам, выжившим, больше всех не хватает.

Эска лихорадочно записывал каждое слово,

не обращая внимания на боль в пораженных
артритом пальцах. Наконец он
посмотрел на Арго:

-- А вы, лорд?

Капеллан не ответил. Между ним и
старым некрономом промелькнуло что-то
-- мгновенное

понимание, которому слова не нужны. Арго
повернулся, снял латную перчатку и вынул
гладус из ножен на бедре. Провел
кинжол по лагони -- кровавая линия
окрасила алым

металл. Ничего не говоря, воин прижал
рассеченную лагонию к груди статуи.

Так же поступили и остальные воины. Все
пятеро почтили павшего брата,
прикоснувшись к

холодному камню обгазренными лагонями.
Единство, перед которым смерть
бессильна.

Дружба, для которой даже могила не
станет преградой.

-- Солюс, -- прошептал Эска.

-- Слушаюсь, -- отозвался сервитор.

расшифровывая нарек хозяина. Умгаифер
защелкал,

записывая этот удивительный,
необыкновенный миг. Мало кто за всю
историю Империи

получал шанс стать свидетелем того,
как Агентус Астармес отдаёт почести
своим навишам

товарищам в таком сокровенном
ритуале. Эска служил своему ордену
долгие годы, побывал

более чем на тридцати планетах, но за
это время не видел в архивах даже
косвенных

упоминаний о чём-то подобном.

Его запись станет первой.

Завершив обряд, воины надели латные
перчатки. Арго сотворил знак имперской
аквилы,

сложив руки поверх нагрудника.

-- Помни нас, Эска из Тереша. Помни Мир
Ринна, помни Амрена из Пятой роты.

-- Я буду помнить. -- Он с трудом мог
говорить. -- Буду.

-- Хорошей тебе смерти, -- пожелал капеллан, надевая шлем. Личина-черепа превратила

последние слова в бездушное рычание вояки. -- Но прежде чем это случится, хорошей тебе жизни.

...